

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...

ОКЛЯОРЬ

ТЕНЬ РОМАНА

За кажущейся простотой формы нового романа В. Каверина «Наука расставания» скрывается сложная внутренняя структура, разобраться в которой не так-то просто, хотя на последних страницах писатель вроде бы раскрывает все свои карты, говоря о том, что послужило толчком к написанию этого романа и как он создавался:

«Но что же делать с читателями, которые во что бы то ни стало хотят узнать, как пишутся романы? Именно этот вопрос содержится в письме почти каждого прочитавшего книгу, а их миллионы.

Лучший ответ — показать ему тень романа, состоящую из случайных воспоминаний, внезапных догадок, неожиданных поворотов, когда забытое оказывается незабытым, когда случайность становится необходимостью и требует места в душе автора, в его судьбе, в его неотступной работе».

После того, как, прочитав роман, мы проследили драматическую историю жизни и любви его центральных персонажей — военного корреспондента «Известий» на Краснознаменном Северном флоте Вадима Незлобина и Тали Нелединой-Критской, В. Каверин в послесловии «От автора» прямо говорит, что это он сам был военкором «Известий» на Северном флоте во время войны и встретился в Полярном с невестой моряка, который через несколько дней после ее приезда ушел в боевой поход и не вернулся. С тех пор минуло сорок лет, но эта «одна из бесчисленных трагедий» войны, пишет В. Каверин, «оказалась незабытой. Она стала центром столкновения характеров, она внушила мне мысль о тяготах верной любви, она позаботилась о стройности и занимательности прозы, она, опираясь на подлинные воспоминания, потребовала, чтобы сцена, на которой происходит действие, была обставлена не кое-как, а опытной рукой и с далеким расчетом».

Не пытайтесь разгадать до конца всю глубину «далекого расчета» писателя, да это и невозможно: подлинные произведения искусства всегда обладают своим неразгадываемым секретом, иначе их можно было бы штамповать поточным методом. Отмечу только, что роман В. Каверина, не будучи ни мемуарами, ни документальным повествованием, по форме очень близок к ним — у писателя «рука опытная», и он знает о сегодняшнем повышенном интересе читателей к документальному жанру, к воссозданию подлинных событий.

Впрочем, разве роман исключает творческое осмысление реальных событий? Наоборот, это лишь придает ему художественную достоверность. Об этом думаешь, читая, например, те страницы романа В. Каверина, где описывается последний бой командира подводной лодки Мещерского — того самого, невестой которого была Талья. Атакующий вражеский танкер, он не смог поразить его торпедами и принял дерзкое решение — всплыл и утопил танкер артиллерийским огнем. Но ведь именно о такой тактической находке рассказал А. Крон в почти одновременно с романом В. Каверина опубликованной в «Новом мире» строго документальной повести «Капитан дальнего плавания» — о подвиге «подводника № 1» Александра Маринеско.

Опыт военного корреспондента «Известий» помог В. Каверину в его замысле — «написать правдивую книгу», правдивую не только в деталях тактики и стратегии боевых действий или в описании уклада жизни Полярного — «городка, который был

одновременно и тылом, и фронтом». Художественная правда — это прежде всего правда человеческих чувств. А роман В. Каверина, хотя немало места в нем уделено и другим событиям, — прежде всего о любви.

Незлобин полюбил Талью с первого взгляда, с первой случайной встречи на затерянной в тайге станции Коноша. Но Талья была невестой другого, и этот другой был другом Незлобина. Он не вернулся из похода, но, как выяснилось много лет спустя, остался жив, однако после тяжелого ранения потерял память и, попав в госпиталь, не мог вспомнить даже свое имя... А Талья ждала его и всю войну, и после нее. И рядом с ней ждал Незлобин. Верный фронтовому товариществу, он искренне хотел, чтобы пропавший без вести друг отыскался, и как мог скрывал свои чувства от Тали, которая, конечно же, знала о них. Потом, через несколько лет после Победы, когда надежд на возвращение Мещерского не осталось, Талья стала женой Незлобина. И вот однажды Мещерский, к которому вернулась память, разыскал в Москве Незлобина...

Такова вкратце фабула романа, написанного В. Кавериним. Но в нем есть еще один роман, вернее, «тень романа», который пишет Незлобин.

«Как почти все военные корреспонденты, он хотел писать не корреспонденции, а рассказы и даже романы. Думая об этом, он бережно хранил свои бесчисленные наброски: вот это могло пригодиться, а это нет. Вот это он записывал для себя, а это — для газеты».

В. Каверину удалось очень точно подметить такое внутреннее состояние многих журналистов — сколько их думает о стихах, повестях и романах, печатая меж тем статьи и корреспонденции!

«— Еще что будет! — сказал, смеясь, Незлобин. — Я еще не статью для подвала принесу, а роман.

— О войне?

— Нет, о любви.

К его удивлению, редактор принял это сообщение серьезно. Его маленькая мордочка стала задумчивой и почему-то грустной.

— Моя мечта, — вздохнув, сказал он».

Статей и корреспонденций В. Незлобина мы не знаем, В. Каверин лишь косвенно показывает, что они были хорошими — их вырезают и хранят читатели, да и в редакции его считают ведущим журналистом. А вот наброски его романа в «Науке расставания» есть. Это не «роман в романе» и не доводок к основному конфликту — нет, это художественная находка В. Каверина, суть которой заключается в том, чтобы дать ту самую «тень романа», о которой он говорил впрямую. Но это и тень романа В. Каверина, где писатель, перевоплотившись в Незлобина, обретает новые возможности художественного самовыражения. Эти наброски понадобились В. Каверину для того, чтобы показать, как «создавала себя» его новая книга:

«В ней невольно участвовало то, что произошло в моей жизни».

То, что я написал в пренных книгах, удачных и неудачных. То, что я прочел в чужих книгах.

То, о чем я думал и о чем забывал.

То, что сохранилось в памяти, и то, что не сохранилось.

То, что совершилось по воле автора, и то, что не совершилось».

Каждая книга, как человек, создает себя. Каждая книга, как человек, за себя отвечает».

Новый роман В. Каверина «Наука расставания» относится к тем книгам, которые могут за себя ответить».